

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.09.09

Н. О. Егорова

К вопросу о жанровых источниках «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева

Круг жанровых источников «Путешествия» очерчен и их роль в художественной структуре произведения достаточно полно исследована. Тем не менее, целесообразно обратиться к еще одному возможному источнику «Путешествия» – жанру симпозиума. Обращение к жанру симпозиума позволяет выявить логику серьезно-шутливого, трагикомического предмета или характера, а также способствует установлению точной типологии персонажей.

Ключевые слова: А. Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», жанр, путешествие, симпозиум, публицистика.

Natalia Egorova

On the Issue of Genre Sources “Journey from St. Petersburg to Moscow” by A. N. Radishchev

The circle of genre sources of “Journey” is outlined and their role in the artistic structure of the work is sufficiently fully investigated. Nevertheless, it is advisable to turn to another possible source of “Journey” – the genre of symposia. Turning to the genre of symposia allows you to identify the logic of a serious-humorous, tragicomic subject or character, and also helps to establish the exact typology of characters.

Key words: A. N. Radishchev, “Journey from St. Petersburg to Moscow”, genre, travel, Symposium, journalism.

Итогом более чем векового изучения «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева стало комментированное издание этой книги в серии «Литературные памятники» в 1992 году. Исторический и текстологический комментарий к книге был подготовлен В. А. Западным. С точки зрения В. А. Западова, «Путешествие из Петербурга в Москву» – выдающийся факт русской художественно-публицистической литературы, который «не принадлежит ни к “чистой” публицистике, ни к “чистой” беллетристике» [1, с. 602].

© Егорова Н. О., 2020

© Egorova N., 2020

Круг жанровых источников «Путешествия» очерчен и их роль в художественной структуре глубоко исследована, но считаем необходимым обратиться к еще одному возможному источнику «Путешествия», а именно к жанру симпосия. Обращение к жанру симпосия в связи со стилистическим и композиционным анализом «Путешествия» скорее можно расценивать как жанровую аллюзию, в первую очередь потому, что нет строгого доказательства факта изучения Радищевым указанной жанровой формы. Лейпцигские аттестаты Радищева свидетельствуют об успешном обучении по программе юридического факультета; также известно, что «изучал языки, литературу, естественные науки, медицину, брал уроки музыки (пять лет обучался игре на скрипке)» [3, с. 34]. Студенческие диспуты в Лейпцигском университете и общее (как российское, так и европейское) увлечение риторикой в XVIII веке позволяют предположить, что Радищеву были доступны и известны классические «Пирры» (Платон, Ксенофонт) и поздние образцы симпосия (Плутарх, Афинея, Макробий). Были тексты оригинальными или переводными (русские, немецкие, французские) – остается открытым вопросом.

Традиция античных ритуальных пиров, русская фольклорная типология (свадебный пир; престольный/княжеский пир; дружеский пир; пир на весь мир), конкретные события биографии Радищева¹, банкетная традиция в России XVIII века [6] доказывают органичность включения топоса *пир* в художественную ткань итогового произведения писателя.

И. П. Стрельникова, с учетом мнений М. М. Бахтина и И. Мартина, считает, что симпосий как явление античной литературы – неканонический нетрадиционный жанр. Являясь, по сути, жанровой разновидностью диалога, он представляет собой описание застольных разговоров образованных людей, в котором серьезные вопросы объясняются в легкой развлекательной форме. «Симпосий продолжает и углубляет традицию диалога – изображением современника в будничной, бытовой обстановке без эпической или трагической дистанции через живой и непосредственный с ним контакт [7, с. 137].

Эстетическая установка и возможности симпосия – «фамильярно исследовать человека» (М. М. Бахтин) – близка Радищеву, чья книга организована как «переплетение»: непосредственные обращения Путешественника к своему другу соединяются с публицистическим взаимодействием пары «писатель – читатель».

¹ В «Житии Федора Ушакова» Радищев о первоисточке конфликта между будущими лейпцигскими студентами и их наставником Бокумом говорит: «<...> найдешь корень оного в первом нашем ужине. Покажется иному смешно, иному низко, иному нелепо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидеть за такую малость: но самого умереннейшего человека заставь поговорить неделю, то нетерпение в нем скоро будет приметно» [4, с. 22].

Если следовать по маршруту Путешественника, то ситуаций собственно пира две: в главах «Новгород» и «Тверь». В целом же текст «Путешествия» насыщен топикой пира. Первая глава «София» открывается словами: «Отужинав с моими друзьями, я лег в мою кибитку» [5, с. 7]. Камертон дружеского общения выступает на первый план, и еда не становится ни предметом изображения, ни средством характеристики персонажа, ни поводом к этой характеристике. Последнее, впрочем, властно заявляет о себе в дальнейшем повествовании. Так, например:

1) анекдот о «любителе устерсов» (глава «Спасская Полесь»): «Итак, жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великий охотник. Пока деньжонков своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много у него стало денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба» [6, с. 17];

2) эпизод (глава «Подберезье»), в котором Путешественник, мучимый головной болью, «<...> взялся за нянюшкино лекарство, но, не привыкнув пить вдруг по пяти чашек, попотчевал излишне для меня сваренным молодого человека <...>. – Благодарю усердно, – сказал он, взяв чашку с кофеем. – Приветливый вид, взгляд неробкий, вежливая осанка, казалось, не кстати были к длинному полукафтанию и к примазанным квасом волосам» [5, с. 28].

Явно сатирический симпозиум, точнее его первая часть – обед (deiplon), у Радищева постепенно обретает драматический пафос. Крестецкий дворянин напоминает сыновьям: «Труды наши лучшая была приправа в обеде нашем» [5, с. 49], призывает к «умеренности желаний». Хотловский «Проект в будущем» своей преамбулой («Доведя постепенно наше отечество до цветущего состояния, в котором оно ныне находится, <...> [н]аслаждаемся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития <...>» [5, с. 66]) утверждает временную дистанцию между Россией XVIII века и Россией будущего, предлагает новую социальную, а не только аграрную политику [2, с. 174]. Так, гражданин будущих времен в своем проекте пишет: «И так нива его даст ему плод сугубый; и так все плоды земледельцев мертвеют или паче не возрождаются, они же родились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно» [5, с. 71]. Логический вывод из наблюдений ужасает: «Где есть нечего, там, хотя бы и было кому есть, не будут; умрут от истощения» [5, с. 71].

Глава «Хотиллов» – едва ли не самая «крамольная» часть книги, и обращена не только против Екатерины II, но и против американской буржуазной «демократии»: «Назовем блаженною страную, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственно от зноя и мраза укрова» [6, с. 70].

Топосы *кофе*, *сахар* входят в читательское сознание, на первый взгляд, парадоксально; не в связи с мотивом пир/обед, а в русле мотива лишений. Следующая за главой «Хотиллов» глава «Вышний Волочек» развивает мотив «избытки Америки» («<...> сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании» [5, с. 74–75] и предлагает особую временную композицию: настоящее (зрелище вышневолоцкого канала) – прошлое (кофепитие с другом) – настоящее (обращение к пирующему Петербургу). Необходимо указать, что в тех римских пирах, где есть описания еды и питья (Лукиан, Гораций, Петроний), характерной для начала пира является топика так сказать «первого куска», и сатирический смысл содержится в самом преувеличенном внимании к еде. У Радищева топика «первого куска» буквально порождает фабульный эпизод и весьма неоднозначный пафос: «А вы, о жители Петербурга, питающиеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах, или на дружеском пиру, или наедине, когда рука ваша вознесет первый кусок хлеба, определенный на ваше насыщение, остановитесь и помыслите. Не то ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки. Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучняются нивы, на которых оной возрос. Блаженны, если кусок хлеба, вами алкаемый, извлечен из класов, родившихся на ниве, казенною называемой, или по крайней мере на ниве, оброк помещику своему платящей. Но горе вам, если раствор его составлен из зерна, лежавшего в житнице дворянской. На нем почтили скорбь и отчаяние; на нем знаменовалось проклятие всевышнего, егда во гневе своем рек: проклята земля в делах своих. Блюдитесь, да не отравлены будете вожделенною вами пищею. Горькая слеза нищего тяжело на ней возлегает. Отрините ее от уст ваших; поститесь, се истинное и полезное может быть потщенье» [5, с. 75]. Риторическая патетика нарастает и завершается не проповедническим призывом, а советом, предостережением не врагу, но непонимающему, сытому, который голодного не понимает.

Первый пассаж главы «Пешки», главы с особой историко-литературной репутацией (по описанию крестьянской избы музеи изготовляли макеты «черной избы» XVIII века [2, с. 234]), устанавливается сатирическая дистан-

ция между конкретным обедом Путешественника и мыслимым столичным пиром, причем не в пользу пира: «Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод – не свой брат, – принудил меня зайти в избу и доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мной ехала в запасе» [5, с. 113]. С уже известными читателю кофе и сахаром происходит перемена имени предмета:

- у Путешественника: «плод пота несчастных африканских невольников»;
- у крестьянки: «кусочек сего боярского кушанья», сахар, купленный «на слезы» крестьян [5, с. 113].

Определение, данное крестьянкой, – не частный случай конкретизации, а расширение поля зрения, буквально, толчок к прозрению повествователя: «Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы. <...> Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние» [5, с. 113].

Изначально симпозиум тяготеет к изображению сниженного образа человека. Этому соответствуют топосы (беседа, драка, омовение рук, выбор вин, ссора, спор, трапеза, помехи и конец пира) и фигуры пира (хозяин пира, шут, любовная пара, врач, незваный гость, запоздавший гость, плачущий). Сатирическим целям симпозиума служат как мягкая шутка, так и сарказм, но комический/иронический/сатирический, в конечном счете, бытовой пласт обязательно предполагает пласт возвышенный.

Глава «Новгород» содержит отрывок «Из летописи новгородской», по виду подлинный документ: «<...> Новгородцы сочинили письмо для защиты своих вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмью печатями <...>» [5, с. 31]. Тему вольности, для Радищева и его Путешественника имеющую первостепенное значение, теснит тема предельно заземленная: «Но не все думать о старине, не все думать о завтрашнем дне. <...> Теперь пора ужинать. Пойду к Карпу Дементьичу» [5, с. 33]. Путешественник предстает незванным гостем: «– Ба! Ба! Ба! Добро пожаловать, откуда бог принес <...>. – По пословице, счастливой к обеду. <...> – Невестка, водки нечаянному гостю» [6, с. 33]. Свадебная пирушка («– Да что за пир у тебя? – Благодетель мой, я женил вчера парня своего» [5, с. 33] – удобный повод для Путешественника поразмышлять о «третьем сословии». Хозяин пира – Карп Дементьич – шельма, взыскавший с Путешественника при помощи «искусного стряпчего» проценты за 50 лет по просроченному векселю, поэтому призывы «Прикушай!» и обращение «Благодетель мой!» – знаки мнимого расположе-

ния и гостеприимства. Сатирически освещены и новобрачные – своеобразная любовная пара симпосия. Повествователь одним штрихом («у меня щеки начали рдеть») намечает возможный исход пира, но как сам Путешественник объясняет: «По той самой причине, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебном пиру я был трезв» [5, с. 35]. Ситуация и статус незваного гостя не оборачиваются для Путешественника уличением в готовности за ужин терпеть издевки. Авторский же подход к теории вексельного права, наряженный в одежды пира, не сводится к голой назидательности.

В главе «Тверь» опущены какие-то ни было подробности трапезы Путешественника и «новомодного стихотворца» («товарищ мой трактирного обеда» [5, с. 95]; «пирной мой товарищ» [5, с. 96]. В классических симпосиях даже поэзия не признавалась темой для обсуждения, приоритетной всегда являлась сфера философии. Монолог новомодного стихотворца о гекзаметрах и русских ямбах лишь отчасти дань симпосию, так как не перерастает в диалог, и причиной тому «толика поворотливость языка, что я (Путешественник. – Н. Е.) не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много кой-чего имел на защищение ямбов и всех тех, которые ими писали» [5, с. 96].

Стихотворные опыты новомодного стихотворца, а, стало быть, и учение Радищева о народной революции, изложенное в оде «Вольность» и включенное в текст «Путешествия» не в полном строфическом объеме, с прозаическими комментариями, при всей своей политической заостренности, оставляют возможность и для споров по поводу метрико-содержательных соответствий. Так, уже первая строфа представлена новомодным стихотворцем как излишне тугая и трудная для изречения в одном стихе.

На соотнесенность главы «Тверь» с жанровыми особенностями симпосия указывает и финал главы, который соответствует ситуативному топосу «помехи и конец пира»: «<...> хотел было сказать, может быть, неприятное на стихи его возражение, но колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса, когда он с норовом» [5, с. 102]. Топос спора не просто намечен, он целенаправленно не воплощен, не закончен; все аргументы Путешественника оставлены как бы «про запас», быть может, переадресованы читателю. Так, в последнем абзаце главы «Черная грязь»: «Я тебе, читатель, позабыл сказать, что парнасский судья, с которым я в Твери обедал в трактире, сделал мне подарок («Слово о Ломоносове». – Н. Е.) <...> Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди сам, а мне скажи на ушко, каково тебе покажется» [5, с. 114].

Внезапный обрыв – типичный конец для симпозиа. Открытая концовка «Путешествия из Петербурга в Москву» «работает» на ту же идею диалога, которой и была открыта книга: « <...> сочувственник мой <...>. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг» [5, с. 6].

В заключение следует повторить, сопоставление реконструкции ранней редакции и окончательного варианта «Путешествия» свидетельствует об изменении композиции произведения и психологической эволюции Путешественника: вначале помышляющий о самоубийстве, уже в главе «Бронницы» он расстается с этим намерением, что ничуть не снижает трагического пафоса книги и ее революционной настроенности. Как пишет В. А. Западов, «совершенно очевидно, что все эти явления складываются в определенную систему – систему комического разных градаций и форм, настойчиво и последовательно проводимую при переработке произведения» [1, с. 619]. Обращение к жанру симпозиа позволяет выявить скользящую логику серьезно-шутливого, трагикомического, полного освещения предмета или характера, кроме того, способствует установлению точной типологии персонажей.

Список литературы

1. Западов В. А. История создания «Путешествия» // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. М.: Наука, 1992. С. 475–624.
2. Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий: пособие для учителя. Л., 1974. 256 с.
3. Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. 777 с.
4. Радищев А. Н. Избранные сочинения. М.-Л., 1949. 559 с.
5. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. 672 с.
6. Сиповская Н. В. Обеды «к случаю» // Развлекательная культура России XVIII–XIX веков: очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 28–42.
7. Стрельникова И. П. Топика пира в римской сатире // Поэтика древнеримской литературы: жанры и стиль. М., 1989. С. 136–156.

References

1. Zapadov V. A. *Istoriya sozdaniya «Puteshestviya»* [The story of the creation of "Journey"] Radishchev A. N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol'nost'* [Journey from Petersburg to Moscow. Liberty]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 475–624.
2. Kulakova L. I., Zapadov V. A. A. N. Radishchev. «*Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu*». *Kommentarij. Posobie dlya uchitelya* [A. N. Radishchev. " Journey from Petersburg to Moscow." Comment. Teacher Manual]. Leningrad, 1974. 256 p.
3. Makogonenko G. P. *Radishchev i ego vremya* [Radishchev and his time]. Moscow, 1956. 777 p.

4. Radishchev A. N. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow-Leningrad, 1949. 559 p.
5. Radishchev A. N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol'nost'* [Journey from Petersburg to Moscow. Liberty]. St.Petersburg, 1992. 672 p.
6. Sipovskaya N. V. *Obedy «k sluchayu»* [Occasional Lunches] *Razvlekatel'naya kul'tura Rossii XVIII–XIX vekov. Ocherki istorii i teorii* [Entertaining culture of Russia XVIII–XIX centuries. Essays on history and theory]. St.Petersburg, 2000, pp. 28–42.
7. Strel'nikova I. P. *Topika pira v rimskoj satire* [Topeka feast in Roman satire] *Poetika drevnerimskoj literatury: Zhanry i stil'* [Poetics of Ancient Roman Literature: Genres and Style]. Moscow, 1989, pp. 136–156.